

ДЕСЯТИЛЕТИЕ РЕФОРМ

В истории средневековой России, пожалуй, не было такого десятилетия, в которое было бы проведено столько реформ, как в годы правления Избранной рады. Тогда шла напряженная, постоянная реформационная деятельность. Прежде всего начали постепенно создавать первые *приказы* - органы, которые управляли отдельными отраслями государственной жизни. Правда, называли их первоначально еще не приказами, а *избами*.

Один из первых известных нам приказов - Посольский, который возглавил дьяк Иван Михайлович Висковатый. Он около двадцати лет руководил внешней политикой России. В ведении А.Ф. Адашева была Челобитная изба. Может быть, это и есть та самая *«изба у Благовещения»*, где сидели *«заодин»* он и Сильвестр? Это учреждение должно было принимать челобитные на имя государя и производить по ним расследование. Среди этих челобитных были, разумеется, и просьбы, и доносы. Таким образом, Челобитный приказ оказывался высшим контрольным органом, расследующим все дела, о которых шла речь в челобитных. Отсюда вытекала и особая власть Адашева. Говорили, что боярин, который *«челобитной волочит»* (т. е. слишком долго ее рассматривает), *«не пробудет без кручины от государя»*; если же Адашев на кого разгневается, то *«больши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану»*.

В те же годы возник Поместный приказ, который ведал распределением поместий между служилыми людьми. Разрядный приказ был своего рода штабом вооруженных сил, он подготавливал назначения на важнейшие должности в войсках. Разбойный приказ занимался борьбой против *«разбоев»* и *«лихих людей»*. Земский приказ управлял Москвой, отвечал за порядок в ней.

В 1550 году был создан свод законов – Судебник. До него существовал Судебник 1497 года, принятый при Иване III, но к середине XVI века старый Судебник подзабыли, кое в чем он и устарел. В старом Судебнике не было даже деления текста на статьи. Новый был гораздо лучше систематизирован, точнее отредактирован. В нем впервые вводились наказания для взяточников - начиная от мелких канцелярских служащих - подьячих, кончая боярами. Специфика феодального права сказалась здесь в том, что наказания для бояр, решающих дела неправильно, по *«посулам»* (взяткам), были куда мягче, чем для подьячих.

Не забыли и церковную реформу. Церковь единого государства нуждалась в более жесткой централизации. От времен феодальной раздробленности остались в наследство мелкие различия в обрядах в разных

землях. Была необходима их унификация. Еще существенней было то, что в разных землях молились подчас разным святым: в каждом княжестве, наряду с общерусскими, поклонялись и своим, «местночтимым» святым: ярославским, ростовским, новгородским... Можно было, конечно, «разжаловать» местных святых, оставив лишь общерусских и московских. Но возглавлявший церковь митрополит Макарий поступил гораздо умнее: все местные святые стали общерусскими, был создан общерусский пантеон.

В 1551 году был созван церковный собор. Он вошел в историю под названием Стоглавого, так как его решения были сведены в 100 глав и получили название «Стоглава». Собор не только унифицировал все обряды, но и поставил задачу улучшить нравы духовенства и тем самым поднять его авторитет.

Весьма активную роль в этом соборе играл сам царь Иван. Решения собора даже озаглавлены: «Царския вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинех». Название отражает форму соборных заседаний: царь задавал вопросы участникам собора, а они давали свои ответы. Нередко вопрос предreshал ответ, когда царь, спрашивая, уже говорил о каком-то нарушении морали, церковных правил и т. д. Так, вряд ли кто-нибудь ответил бы, что хорошо, что люди идут в монастырь, *«чтобы всегда бражничать»*. Кстати, борьба с пьянством в монастырях была предметом особой заботы Стоглавого собора. Правда, осуждали лишь злоупотребление хмельными напитками, а не их употребление. На соборе говорили, что издавна монахи пили вино, но *«в славу божию»*, умеренно - по одной, две, три чаши. Теперь же в русских монастырях установился неписаный закон: *«...аще имеем питие пьянственное, не можем воздержатися, но пием до пьянства»*. Поэтому монахам было запрещено употреблять водку (*«горячее вино»*) и дозволены квас и виноградные (*«фряжские»*) вина.

Собор предписал протопопам (старшим священникам) следить, чтобы рядовые священники *«не билися и не лаялися и не сквернословили и пьяни бы в церковь и во святой олтарь не входили, и до кровопролития не билися»*. Такое правило было необходимо ведь в царских вопросах рассказывалось, что попы *«в церкви всегда пьяни и без страха стоят и бранятся и всякие речи неподобные всегда изо уст их исходят»*, что они *«в церквах бьются и дерутся промеж себя»*.

Очень серьезные реформы касались организации класса феодалов. Одной из них было ограничение местничества. Здесь будет уместно остановиться на этом явлении. Сейчас это слово у нас употребляется в совершенно ином значении: местничеством называют соблюдение интересов местных в ущерб общегосударственным. В России же XVI-XVII веков местничество состояло в том, что феодалы получали служебные назначения

не столько по личным заслугам, сколько по своему происхождению, «породе». А. С. Пушкин в одном из стихотворений, говоря о дворянском роде Езерских, пишет:

*Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под тяжкий гнев
И умер, Сицких пересев.*

К последнему слову Пушкин сделал примечание: *«Пересесть кого - старинное выражение, значит занять место выше».*

Иной раз авторы исторических романов и пьес, чьи представления о прошлом не выходят за рамки массового сознания, изображают боярские споры о местах, как нечто забавное и донельзя глупое. Выпуча глаза и суя друг другу кукиши, бояре спорят, кто знатнее. Читатель остается в убеждении, что бояре были забавными и спесивыми недоумками. Кому выше сидеть за столом? Подумаешь, велика важность. Исследователи порой видели в местничестве старую привилегию независимых от центральной власти аристократов. Чем знатнее, тем выше положение! Это и так, и не так.

Действительно, современному человеку споры из-за мест кажутся невероятными. Позорным считалось не занять место повыше, но не позорным было быть публично выпоротым за упрямство. Не позорно было даже прослыть дураком. Один из князей Хворостининых, когда его младший брат проиграл местническое дело, потребовал пересмотреть решение, так как, по его словам, брат его глуп и не умел отвечать. Но этого глупого человека он считал вполне достойным высокого поста в войсках.

Проигрыш местнического дела был трагедией. Михайло Андреевич Безнин (из Нащокиных), в прошлом опричник, проиграв тяжбу о местах, *«от той обвинки боярской хотел в монастырь постритца».* Другой крупный воевода, Петр Федорович Басманов (из бояр Плещеевых), *«патчи на стол, плакал с час горько».*

Почему же служилые люди так цепко держались за свое местническое положение? Дело в том, что местнический счет был основан на прецедентах, или, как говорили тогда, на *«случаях».* Если когда-то служили вместе два дворянина и один из них был первым воеводой, а другой - вторым, то через 50 лет их внуки за пиршественным столом государя должны сохранять это же соотношение: внук первого воеводы - выше, внук второго - ниже. Поэтому, приняв *«невместное»* назначение, служилый человек наносил урон

своим потомкам и другим родичам: их много десятков лет будут *«утягивать»* этим *«случаем»*, ссылаться на него в ущерб роду.

«Случаи» были так важны еще потому, что ведь далеко не всегда соприкасались на службе прямые потомки тех, кто когда-то служил вместе. Тогда выстраивали длинную цепочку «случаев»: мне непригоже быть меньше князя Ивана, ибо его дядя князь Петр был некогда меньше Семена, Семен в другой раз был меньше Федора, Федор - меньше Гаврилы, а Гаврила - меньше моего отца. Пропустив «невместное» назначение, служилый человек давал в руки чужаков мощное оружие против своего рода. Однажды один из князей Оболенских был назначен на службу вместе с близким другом, решил не ссориться с ним из-за мест и не *«бил телом в отечестве о счете»*. Тогда к государю обратились его родственники, жалуясь, что князь *«тем своим воровским нечелобитьем всему их роду князей Оболенских поруху учинил»*.

Почему же государи терпели местничество? Почему Иван Грозный, который любое местническое дело, если ему хотелось, прекращал одним суровым окриком: *«Не дуруй!»*, сам охотно влезал в местнические счета, допускал их даже среди опричников, умело пользовало ими, чтобы возвысить тех, кто у него *«во времени»* (в фаворе), и унижить тех, кто близок к опале? Дело том, что, поскольку все местничество основано на прецедентах, выше оказывались не столь самые знатные, сколь те, чьи предки раньше начали служить московским великим князьям.

Как-то и Роман Васильевич Алферьев (из рода Нащокиных) местничался с князем Василием Васильевичем Мосальским. Мосальские - Рюриковичи, потомки черниговских князей. Но Алферьев подчеркивал другое: Нащокины - вечные холопы государей, не служивали никому, опричь московских князей, а Мосальские служили когда-то князьям Воротынским. Он таким образом противопоставлял род, который не служил никому, кроме московских государей, потомкам Рюрика, которые когда-то служили удельным князьям. Местничество выдвигало роды давних вассалов московских великих князей, традиционно поддерживавшие власть потомков Ивана Калиты. Поэтому местничество даже поощряли.

Но приходилось терпеть и неудобства. Перед каждым походом составляли «разряд» - список всех воевод, а иногда и голов - начальников «сотен» - по полкам. И сразу начинался поток местнических челобитных. А ведь военная обстановка не терпит промедления. Недаром царь Иван жаловался как-то: *«С кем кого ни пошлют на которое дело, ино всякой разместничается на всякой посылке и на всяком деле, и в том у нас везде бывает дело некрепко»*.

В 1550 году был принят указ, несколько ограничивающий местничество. Первое ограничение касалось молодых аристократов. Ясно, что даже самого знатного человека не назначишь воеводой в 15-18 лет. Но как быть, если такой «новик», только начинающий службу, куда знатнее воеводы, под командованием которого ему предстоит сражаться? Было принято великолепное решение: для знатных людей их служба на малых должностях, пока они не стали воеводами, не считается прецедентом: «...в том их отечеству (местническое достоинство.- *В. К.*) *порухи нет*». Таким образом, юные отпрыски боярских родов могли теперь спокойно, без урона для чести своего рода проходить стажировку в войсках, набираться воинского опыта.

Второе ограничение относилось к местническим расчетам. Они были крайне сложны. Между пятью полками, на которые делилось обычно войско, существовало определенное старшинство. Самый почетный - большой полк, потом - передовой правой руки, левой руки и наконец - сторожевой. Ясно, что, например, первый воевода передового полка выше воевод полков правой и левой руки и ниже первого воеводы большого полка. Ясно также, что первый воевода большого полка выше всех прочих воевод. Понятно, что каждый первый воевода выше своего второго. Но вместе с тем неясно соотношение между, например, вторым воеводой большого полка и первыми воеводами остальных полков. Из-за этого вспыхивали лишние споры, запутывались отношения. Было принято удачное решение: считаются находящимися на совместной службе все первые воеводы, затем - все вторые и, наконец, каждый первый со своим вторым. Вторые же воеводы не могут спорить о местах с первым воеводами других полков, их назначения не становятся прецедентами. "Приговор" о местничестве таким образом сохранил местничество, но ослабил его негативные последствия для практической деятельности.

В 1555-1556 годах было принято «Уложение о службе», которое ввело точный порядок службы феодалов. Была установлена норма, какого количества земли - поместья или вотчины - должен выходить один вооруженный воин на коне. С первых ста четвертей (около 170 гектаров) выходил сам феодал, со следующих - его вооруженные холопы. Говорили, что государевы служилые люди выходя на службу "*конно, людно и оружно*". Было также предусмотрено, что тот, кто выведет людей больше, чем положено, получит за это денежную "*помогу*", своеобразную премию; тот же, кто выведет меньше, заплатит штраф.

Откуда же брались деньги на помогу? Ведь их хронически не хватало в государственной казне. Вероятно, именно потому реформа устного управления была проведена одновременно с принятием "Уложения о службе". Согласно этой реформе кормления были отменены. Население теперь должно было платить не кормленщикам, а государству: вводился

новый налог - *"кормленничий окуп"*. Эти деньги распределялись между феодалами, выходящими на службу. Тем самым для них компенсировалась утрата кормлений.

Власть на местах полностью переходила в руки выборных из местного населения. Государство еще не располагало ни кадрами администраторов-специалистов, ни возможностями платить жалование за гражданскую службу. Поэтому и пришлось пойти на передачу власти представителям сословий. В тех уездах, где было развито феодальное землевладение, власть принадлежала дворянским выборным - губным старостам; там, где жили крестьяне, платившие подати непосредственно государству (*"черносошные крестьяне"*), администраторами стали крестьянские представители - земские старосты. Земских старост избирали посадские люди в городах.

И губные, и земские старосты существовали и раньше. Выше уже говорилось, что при Елене Глинской началась передача губным старостам дел о наиболее ужасных уголовных преступлениях. Земские же старосты первоначально были представителями крестьянских и посадских общин в их отношениях с властью. Например, они должны были присутствовать при разборе тяжб о земле. Теперь те и другие стали полновластными администраторами.

Однако эта новая система была еще далека от идеала. Из-за обычной нехватки денег губные старосты не получали вознаграждения. К тому же на эти должности предписывалось избирать тех, кто по возрасту и здоровью был уже непригоден для воинской службы. Должно быть, поэтому многие губные старосты тяготились своими обязанностями. Пожилым и не очень здоровым людям вовсе не хотелось бросать свои вотчины и поместья и носиться по уезду в поисках *"лихих людей"*.

В 1555 году был принят *"Приговор о разбойном деле"* - закон, направленный на борьбу с разбоями. Из него мы узнаем, что некоторые губные старосты отказываются *"целовать крест"* - приносить присягу, без которой нельзя было приступить к исполнению своих обязанностей, *"и дел не делают"*. Было велено *"по тех старост посылати на подводах и сажати их в тюрьму. А ис тюрьмы их выпущати да на них прогоны имати. А им велети впредь быти у разбойных дел"*. Другие же губные старосты, хотя и целовали крест, *"живут на Москве за своими делы, а с Москвы не едут. И тех старост ссылать с Москвы за поруки (с поручительствами. - В. К.), а появца опять, а Москвы не поедут, ино их сажати в тюрьму на время"*.

Только на время: ведь их все же надо отправить в свои уезды и заставить ловить разбойников!

Любопытная вырисовывается картина: главное административное лицо уезда исполняет свои обязанности лишь под угрозой тюрьмы и даже, отсидев в ней, по-прежнему должно руководить розыском уголовных преступников.

Таким образом, эти реформы хотя и шли в направлении централизации, еще не создали ее.

У Избранной рады, видимо, не было тщательно разработанной программы действий. Идеи рождались у правителей в самом процессе преобразований, они учились у жизни как бы на ходу. Вот характерный пример. В 1550 году был принят Судебник, в котором были подробнейшим образом расписаны все обязанности и права кормленщиков наместников и волостелей. По сравнению с предыдущим Судебником - 1497 года - их власть несколько ограничили. А всего через пять-шесть лет кормления полностью отменили, многие из статей Судебника оказались устаревшими, ненужными. Вероятно, в 1550 году Иван IV, Адашев, Сильвестр и их сотрудники еще не представляли себе, что кормления доживают последние годы.

Не все Избранной раде удалось осуществить. Например, в 1550 году было решено отобрать тысячу "лутчих слуг" из числа дворян, которые должны быть постоянно готовы для выполнения царских поручений. Чтобы они могли быстро приехать по первому зову царя, им было предписано дать поместья в радиусе не более 60-70 верст от Москвы. Составили список, в который вошло чуть больше тысячи - 1078 человек. А вот земли не нашлось. Появился исключительно ценный для будущих историков источник - "Тысячная книга", перечень всей верхушки класса феодалов страны, с указанием их рангов ("тысячников" разделили на три статьи). Но поместья, судя по всему, большинство из них так и не получило.

КТО ЖЕ ПРАВИЛ СТРАНОЙ!

Возникает вопрос; какова степень личного участия Ивана IV в правительственной деятельности 50-х годов XVI века? Что из достижений этого времени мы можем поставить в заслугу царю? Ответ нелегок: ведь в официальных документах невозможно отделить то, что сделано лично Иваном IV, от результатов деятельности его советников. В летописях и правительственных указах даже трехлетний великий князь Иван Васильевич предстает как самостоятельный правитель, который налагает опалу, выносит приговоры, заключает международные соглашения... Таковы обычные порядки монархического государства. К тому же сам Иван IV приложил все силы, чтобы отказаться от чести осуществления реформ этой перовой половины своего царствования. Позже, разойдясь с Избранной радой, он обвинял ее в полной узурпации власти.

Царю Ивану противоречит Курбский, а он вроде не должен идеализировать монарха, против которого пишет памфлет. Но именно князь